

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

Было время, когда тебе и мне принадлежал целый мир, сплетённый из дорожек в парке, по которым мы гуляли; омытый родниками, из которых пили вместе (и, нелегальными мигрантами, в этот мир попали также картинки людей с канистрами)...

Мир, освящённый церковью, в котором пару раз вместе пели в хоре — теперь она мне вспоминается как пещера золотых сокровищ — так, как, наверное, церковь может вспоминаться только в воспоминаниях раннего детства.

Природа в этом мире представлена твоей полузаброшенной дачей. Соседний лес попал туда прямо из рассказа Джека Лондона "Рождённая ночью" — сказочная чаща, через которую хорошо бежать в сумерках.

А за садоводством раскрывалось бескрайнее, как наше будущее, поле. И на самом горизонте, на границе далёкого леса, торчали странные высоченные футуристические конструкции узла ЛЭП.

Мне они представлялись неким городом будущего.

И, там же, недалеко, была, под дорогой, труба с пересохшим ручейком — мы забавлялись, звали твою собаку с двух сторон трубы — и она не знала, куда бежать. Помню, ты рассказывала, что Колли — пастушья собака, она очень нервничает когда кто-то, овцы или люди, расходятся в разные стороны...

Давно умерла твоя собака, тоже скреплявшая этот мир... И некому больше связывать нас воедино своим озабоченным лаем...

Но иногда мне кажется, что в своём финальном путешествии в другой мир я увижу обещанный туннель и... узнаю в нём черты той самой трубы.

И твоя собака поведёт меня своим лаем — чтобы там снова соединиться, восстановить нашу потерянную сказку.

* * *

А потом я думаю: действительно ли соединимся мы в этом небесном мире?

Или вся эта сказка уже существует только внутри меня?

Вот это и есть самое тяжёлое в расставании: что погибает целый мир, никому не нужный, кроме тебя. Что ты ходишь теперь один: по тем же парковым дорожкам, и чувствуешь, что не можешь в одиночку спасти эту умирающую сказку.

Медленно опадают листья, и, вместе с ними, отмирает тот счастливый, а теперь никому не нужный, мир.

Я вспоминаю, как ты говорила, что старалась (когда гуляли там где ты проходила со своим бывшим) заменить, заслонить воспоминаниями со мной, те старые воспоминания: например, поцеловаться в том же месте, только ещё более страстно.

Я ещё подумал тогда: интересно..., я бы так не смог, ведь то — тоже была любовь.

Но твоё, очень женское, желание — чтобы всё было как будто в первый раз — мне, по-мужски, нравилось.

Но теперь, наверное, ты также пытаешься замазать новыми фресками все наши общие воспоминания, умертвить наш общий, счастливый мир...

Ну да, а что делать?

Природа отпустила женщинам действительно мало времени, а задачу поставила сложную, противоречивую: не только соблазнить самого привлекательного для тебя мужчину, но и устроить так, чтобы он после этого «привлекался» только тобой, зачинал и заботился только о твоих детях.

И, в поставленные природой сжатые сроки, у женщин нет ни времени, ни душевных сил, чтобы тратить их на раздумья о закончившихся бесперспективных отношениях.

Как говорила Пугачёва про свой первый развод (подчёркивая, как сильно она страдала): "весь день проплакала, а потом сказала себе, что надо идти вперёд".

Мужчин природа подстёгивает гораздо ленивее: торопиться некуда, сам постепенно "выедет".

И вот, я стою в нашей церкви и приглядываюсь к росписям на стенах. И тем больнее, что все росписи на месте, что я стою в той самой пещере золотых сокровищ, из того, нашего счастливого мира.

Стою, а за стеной уже совсем другая реальность: осенняя и чужая.

Ну потом я, действительно, сам постепенно "выехал".

И теперь, годы спустя, мне грустно, что не могу вспомнить, вновь почувствовать всего этого мира, который...

Который...

А ведь где-то он остался, как и все мои другие общие миры — и, возможно, после, ближе к концу времён, когда природа, ввиду финиша эволюции, отменит свои непрекращающиеся экзамены на крутость, привлекательность, сексуальную состоятельность, —

тогда все эти умершие миры вновь оживут, и, очищенные от гонки желаний, войны полов, тел, культур и времени, превратятся в те самые бесконечные сады ясноглазых девственниц, которые обещаны после смерти мусульманам.

...

Но я верю, что это всё, вся эта обещанная бесконечность — окажется одной и той же душой — той самой... моей.

ПРИСНИЛАСЬ ЛЮБОВЬ

Мне сегодня ночью приснилась Любовь...

До этого в голове толпились и переливались, как бензин в луже, неразборчивые сновидения... И вдруг, как мне показалось, над тёмной водой сна пролетел ангел — и словно капля масла, упавшая из его лампадки на поверхность, разогнала их разноцветные переливы — наступило пробуждение.

И кажется, что мелькнувшее на миг отражение ангела и было тем сном о Любви, который успел присниться за секунду до пробуждения.

И вот, лежишь в полной темноте, всё ещё освещённый изнутри светом этой лампадки, и не можешь понять что тут делаешь — во тьме, в тикании часов и во вселенском одиночестве, какое бывает только бессонными ночами...

Хотя нет, не в одиночестве, рядом жена, что тоже неудобно, ведь, разматывая в памяти клубок сна, понимаешь что приснившаяся Любовь пришла не в её образе.

И вот лежишь в темноте, не с тем, кто приснился, и думаешь...

А приснился совершенно посторонний образ, похожий на девушку, с которой в древние времена юности встречался на каком-то корпоративе.

В памяти теперь осталось только ощущение всеобщего веселья, и как мы с ней встречались взглядами, и я проявлял свою заинтересованность, и она отвечала, вспыхивала как лампочка, сигнализируя мне в ответ...

Это самое начало, когда женщина во взгляде может чудесным диафильмом показать всё возможное будущее счастье, всю жизнь.

Тогда в стено-подобном, запротоколированном общении, где для всего существуют правильные слова, открывается невербальный портал и передаются ощущения напрямую между душами — как через чёрные дыры в космосе может передаваться информация между вселенными...

По-крайней мере, я надеюсь, что, и в космосе, и тут, такие окна в другие миры существуют...

Дальше у нас ничего не пошло. Портал закрылся, обстановка не соответствовала.

И конечно, у неё теперь своя семья и, возможно, она и не помнит этого касания космических мембран, из которого могла (как утверждает теория суперструн в физике), но так и не родилась новая вселенная — ведь женщины стараются быстро стереть из памяти всё, что не привело к образованию семьи — как садовник, обрезая лишние ветки и ухаживая за своим розовым кустом, именуемым Любовь...

А моё растение — странный тысячелетний дуб — явилось во сне, переодевшись чуть-ли не в первый попавшийся образ... "Где же ты был всё это время?" — спрашивал образ, со вздохом счастливого облегчения, в дрогнувших обертонках которого звенела возможность счастья.

И во сне казалось — действительно — где же я был? И зачем?... Ведь вся моя жизнь в этой реальности — это отсутствие меня в той, альтернативной, реальности, где, оказывается, меня до сих пор ждут...

И почему, кстати, приснилась именно эта девушка?

Во сне, как и в жизни, невидимый режиссёр выбрасывает роли — как игральные кости на стол — кому-то вздох «где ты был?», в котором дрожит будущее счастье, кому-то — ту же фразу, но в которой скрежещет готовая раскрутиться пружина скандала.

Все актрисы репетируют с детства только первый вариант. Но быт закручивает их в свой водоворот, и вопрос "Где же ты был всё это время?" задаётся уже в другой обстановке — когда муж после работы заходит с друзьями в бар (и с друзьями ли?!) — и вот уже карикатурная скалка на входе в квартиру, которой женщины защищают тот самый розовый куст от потенциальных (в этом случае не членистоногих а длинноногих) вредителей....

Лёжа в темноте, я думал, что Любовь, как всегда, пришла в далёком, недостижимом облике из другой реальности.

Это и понятно — ту реальность именно потому и было жаль во сне — потому что она несбывшаяся.

А не сбывлась она потому, что сбывлась вот эта, окружающая меня, реальность. И например, если бы я заснул далеко от дома, то возможно мог бы присниться другой сон, с женой в главной роли.

Это прихоть всемирного режиссёра: менять составы актёров в его ночных и дневных, романтических и скандальных, пьесах.

Нечеловеческая сила — Любовь, ты тянешься к ней, и она ускользает — как кинообраз, когда уже заключил в объятия саму актрису... И актрисы тоже люди, и трудно продолжать играть эту роль, постоянно олицетворять Любовь, эту небесную суть вселенной — и когда диктуешь бестолковому мужу список покупок, когда наказываешь непослушных детей...

И всемирный режиссёр отпускает её в декретно-бытовой отпуск: "будешь играть роль попроще", вручает скалку как реквизит...

И хочется пожаловаться директору театра на несправедливость режиссёра. Но директор непреклонен: "Знаете сколько у меня таких как Вы? Сколько в плане таких пьес? На мне ответственность за появление следующего поколения театралов"...

Я смотрю на него, назначенного природой на эту руководящую, но незавидную должность: усталые, а прежде сверкающие гневом глаза, длинная уже седая борода... я узнаю его, этого директора кукольного театра, небесного Карабаса.

И может зря я проткнул в нарисованном домашнем очаге своим длинным носом дырку в другие вселенные. Я собираюсь на работу и выхожу на улицу, где слепая мама-природа гладит меня по деревянной голове весенним солнышком: хочется жить.

ДНО МОРЯ ЛЮБВИ

Вся культура — это лишь попытка описать эмоциональный мир человека. Все книги, музыка, фильмы, — все черпают из этого бездонного моря тысячи лет и так и не видят — ни его дна, ни берегов.

Миллионы написанных и ненаписанных сюжетов об отношениях рыцарей и дам, о сложных любовных интригах королей, о мучительных семейных треугольниках и прямых бескомпромиссных ромео-джульетных юношеских влюблённостях...

Сможет ли культура когда-либо вычерпать или хотя-бы донырнуть до дна этого моря любви, до его геологической плиты, огромной и изрезанной, как сказочными замками, донными горными хребтами?

Не знаю.

А пока я стою на его берегу и смотрю на горизонт — там, где это море любви смыкается с божественным небом... и думаю: насколько же далеко ушёл человек от животных, насколько далеко и бесстрашно отплыл он в это бескрайнее море на утлых плотах своих книг.

Когда я изучал этологию и наблюдал поведение обезьян в питомниках — было видно, что там всё неизмеримо проще: никакого моря смыслов и эмоций: вожаком рада увлечься любая самка как только у него возникнет желание, а низкоранговые самцы добиваются благосклонности с помощью подарков и ухаживания. Каждый примерно знает своё место, заявляет о нём окружающим и пыгается немного его улучшить.

Вот и всё.

Простая иерархическая схема, сотни раз описанная этологами: что именно делает каждая обезьяна и для чего. И действуют они в этих схемах инстинктивно и прагматично — как доноры спермы с понятной задачей максимизировать количество оплодотворений.

Вот что происходит с точки зрения природы.

А для того чтобы понять что чувствуют сами животные, надо понять что инстинкт — это не автоматическое прагматичное поведение. Это не как робот, выполняющий, одну за другой, строчки инструкций в программном коде — совсем наоборот.

Инстинкт — это когда невозможно поступить иначе: как для Ромео отказаться от Джульетты, как (потом, если бы они оба выжили) для постаревшей Джульетты отпустить Ромео к своей молодой подруге.

Как выглядит инстинкт внутри? Помните как визжат дети, когда у них отбирают любимую игрушку? Им кажется, что просто невозможно без неё.

Я смутно помню, как сам кричал: действительно, казалось что всё, это конец, высшая несправедливость.

Так вот, кто слышал обезьян, знает: обезьяны визжат именно таким же голосом всю жизнь.

Снаружи, конечно, и моё, и обезьянье поведение выглядит как прагматичное давление на близких: отняли игрушку — надо вынудить криком отдать её обратно. Но я-то помню что внутри это было совсем не так. Поэтому я знаю: даже когда в обезьяньем стаде всё тихо — вся эта "простая иерархическая схема" внутри кричит, визжит и страдает каждым своим членом.

Инстинкт — это как любовь, когда просто нельзя иначе.

Это как семейные отношения — снаружи всё просто (вот треугольник, вот конфликт с тёщей, вот разница мировоззрений), а изнутри — целый мир многолетних, реинкарнирующихся ссор и понятных только им поводов для любви.

И у обезьян — то же самое, только не "много-летних" а "много-миллионов-летних" — и изнутри психика подстроилась, выстроила внутренний мир, основой которого была эта простая схема.

А что им (и нам, точнее нашим предкам) оставалось делать?

Только принимать эти кричащие внутри желания, приспосабливаться к своей природе, к этому морочащему головы кукловоду.

То, что снаружи выглядит выстроенным, изнутри является выстрадавшим. Таков и этот внутренний мир — всё, что касается любви.

Ведь эта моя фраза «вожаком рада увлечься любая самка» это и есть роковая страсть, хоть и краткая, но неукротимая любовь с первого взгляда... А «обезьяны добиваются благосклонности с помощью подарков и ухаживания» — это и есть чувство, что встретил свою единственную, это основа, геологическая плита для целого мира, где и рыцарское, и джентльменское отношение к женщине, и модели поведения хорошего семьянина, и образы богинь любви и плодородия, и миллионы личных ассоциаций — от Венеры в мехах до материнского образа.

Вот мы и донырнули до дна моря любви, с которого начали этот рассказ.

Там, в его тёмных глубинах — всего лишь простая схема, на которой основано обезьянье стадо.

И, плывя внутри этого моря, мы понимаем, что обезьяны чувствуют эту простую схему изнутри так же, как и мы, страдают и чувствуют так же, как и мы.

И то что они не нарисовали Мону Лизу, в улыбке которой ДаВинчи соединил свою ностальгию по образу матери и недостижимый идеал женщины — это не значит, что у них нет такой же щемящей ностальгии по этим образам, тех же эмоций, тех же страданий и недостижимых идеалов самки.

Миллионы лет миллиарды бездонных внутренних миров рождаются и умирают без возможности выразить себя словом, картиной или мелодией.

И тоже самое у людей — большинство умирает, так и не выразив своего эмоционального мира. Понимаются из небытия и исчезают, как волны на морской поверхности.

И вечны только само море и небо, отражающееся в каждой такой волне.